

Северный узел

Семейные хроники

Наталья Ванская

Наталья Ванская

Северный узел. Семейные хроники

«Автор»

2026

Ванская Н.

Северный узел. Семейные хроники / Н. Ванская — «Автор»,
2026

Семейная хроника дореволюционной России. Северный губернский город. После смерти матери семья Белозёровых пытается сохранить дом и прежний уклад. Но камень с запиской, пропавшие бумаги, кражи и пожар выводят их к опасной махинации вокруг фабрики «Узел» и семейного наследства. Отцу, бабушке и трём сёстрам придётся самим искать правду — чтобы защитить дом, доброе имя и память той, кто успела оставить им больше, чем они знали. Рядом оказываются старый друг семьи и молодой сыщик из столицы — люди, которые умеют слушать, замечать и не отступать. Это история о том, как после утраты семья учится держаться вместе — и как рядом с тревогой, долгом и памятью снова появляется место для любви.

© Ванская Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Наталья Ванская

Северный узел. Семейные хроники

Северный узел

Семейные хроники

Глава 1

В коридоре было шумно и весело. Девочки вернулись с прогулки — румяные, покрасневшие от мороза и смеха. Няня, раздевая младшую, еле сдерживалась, чтобы не расцеловать её пухлые щёки. Любимец и хулиган, фокс-терьер Дик, рвался в гостиную, но отец удерживал его за ошейник. Пёс отчаянно вилял коротким хвостом и поскуливал — ему хотелось быть сразу везде.

Старшие толкались, стряхивая снег с рукавов и перебивая друг друга:

— Всё-таки он мастерски катается!

— На беговых, лезвия длинные!

— Мы тоже так научимся!

— А как он развернулся — прямо летел!

Одна из девочек махнула рукой и задела настенный календарь. Он качнулся, листок почти оторвался — 20 января 1915 года. Дик вздрогнул, залаял неожиданно резко. Старшие расхохотались.

— Раздевайтесь быстрее, — сказал отец, стараясь быть строгим. — Заждался я вас. Пойдёмте полдничать.

Гостиная сразу наполнилась движением и звуками. Младшая забралась на банкетку у пианино — неровно, на пробу, зазвучала гамма. Средняя устроилась на кожаном диване, поджала ноги и раскрыла альбом — карандаш уже скользил по бумаге, прорисовывая «Зимний сад» — так в семье называли цветочный уголок с пальмами и фикусами в больших кадках; на этажерке у стены теснились герань и бальзамины.

Старшая подошла к отцовскому креслу и взяла со столика свежий номер «Северного времени».

Горничная внесла поднос, и комнату наполнили запахи горячего чая, земляничного варенья и свежих шанежек.

За столом притихли: отец не любил разговоров во время еды. Алексей Михайлович молча придвинул к себе стакан, положил ложечку на блюдце — ровно, как привык, — и только после этого поднял глаза. Высокий лоб, аккуратная эспаньолка, спокойный усталый взгляд. Он смотрел не на дочерей, а на портрет женщины напротив.

— Посмотри, какие у нас барышни выросли, — мысленно говорил он. — Синеглазые, румяные...

Женщина на портрете мягко улыбалась.

Иногда ему казалось, что это вовсе не жена, а кто-то иной — назначенный хранителем его дома. Но это была Анна. Его Анна. Умершая от нелепого несчастного случая всего месяца назад.

Он невольно погрузился в воспоминания.

Когда-то этот город после столицы показался ему тихим и надёжным. Молодого инженера-путейца здесь приняли не сразу, но дело он знал крепко, а такие вещи в провинции замечают быстрее громких слов.

Здесь он встретил Анну.

Она преподавала математику в гимназии, говорила спокойно и точно, а слушала так внимательно, будто разговор действительно имел значение. Всё остальное произошло как-то само собой: свадьба, дочери, дом, где всегда были книги, тетради, детские спектакли и споры о воспитании.

Анна настояла, чтобы у всех дочерей имена начинались на «А».

— Азь — буква нашей семьи, — говорила она с улыбкой. — Будем помнить это — и всё будет хорошо.

Семью считали обеспеченной по местным меркам. Алексей служил надёжно и без лишнего шума, а прочность дому придавал старый «Узел» — канатно-льняная фабрика тестя, ещё с артельных времён.

После смерти хозяина делом управляла Августина Георгиевна Узлова — женщина тяжёлая характером, но крепкая в деле. В этом году Анна стала помогать матери, и разговоров о фабрике в доме сделалось больше прежнего.

Девочки бабушку обожали, хотя Алексей её немного побаивался.

Теперь Анны не стало. Каждая из дочерей переживала это по-своему.

Старшей Александре было девятнадцать. Она держалась прямо, говорила мало и по делу; волосы убирала туго, без завитков. Она с удовольствием давала частные уроки гимназисткам, но всё чаще говорила о дороге и отъезде. Не из нетерпения — из внутренней потребности узнать жизнь. Этим она была удивительно похожа на мать.

Ангелине было пятнадцать — ровесница нового века. Лицо тоньше, чем у старшей; взгляд всегда как будто чуть внутрь. В ученье шла ровно — в дневнике всё аккуратно, придраться не к чему. Но едва выпадала свободная минута, тянулась к карандашу: рисовала на полях, на промокашке, на обороте старых листков — и часами сидела тихо, не поднимая головы.

Агнии было шесть. Большие глаза, мягкие детские кудряшки у висков. Она тянулась к няне — особенно по утрам, в полусне. Иногда, не проснувшись до конца, могла назвать её мамой и тут же смущённо замолчать.

В доме это замечали — но не обсуждали.

Младшая первой не выдержала затянувшейся тишины:

— А когда следующая репетиция?

Она ждала домашнюю постановку больше всего на свете: это была её первая настоящая роль.

— В следующую пятницу, - начала отвечать старшая, но её слова оборвал крик.

— Батюшки!.. - вскрикнула горничная.

Все бросились на кухню. У окна стояла горничная - губы дрожали. Она мяла пальцами край кружевной гардинки, почти прячась за неё.

- Я только форточку хотела приоткрыть, проветрить... А тут — мимо. Камень. Большой.

— Камень, - удивился отец. — Завёрнут в бумагу.

Он поднял его, выглянул в окно. Улица была пуста. Солнце уже клонилось, и по искрящемуся снегу тянулись длинные тени домов и фонарей. Он машинально взглянул на колокольню и купола Софийского собора.

Развернул записку: «Верни бумаги».

Лицо его на миг исказилось. Он велел девочкам идти в детскую и закрыл за ними дверь. Потом взялся за телефон: прошу соединить...

Девочки перешёптывались, невольно придвинувшись друг к другу.

— Думаю это по работе папеньки, — пояснила Александра. — Но он никогда не брал бумаги домой. Сейчас Попову звонит.

— Теперь дядя Прокопий всё узнает, — сказала младшая с облегчением.

— Он же сыщик главный, — подтвердила Ангелина. — Так значит, всё будет хорошо.

И добавила через минуту:

— Бумага-то простая. Как из лавки на углу. Интересно, чем она пахнет.

— А давайте пустим Дика по следу! — предложила Агния.

Фокс-терьер насторожил уши и энергично вильнул хвостом.

— Глупый розыгрыш, - сказала Александра. — Лучше почитаем вслух.

Но эта записка не давала ей покоя: если речь о бумагах - дело серьёзное. Александра отметила про себя: впредь быть наблюдательной, ни одна подробность не должна ускользнуть.

К вечеру пришёл Прокопий Савельевич Попов — старый приятель отца, по розыскной части при полицейском управлении. Его уважали.

Дик, почуяв гостя, вытянулся и потянулся к нему носом. Попов не отстранился: дал обнюхать перчатку.

— Узнал, — заметил он, чуть улыбнувшись.

Агния тут же шепнула, очень серьёзно:

— Он всех сыщиков узнаёт.

Ангелина не удержалась и тихо фыркнула; отец бросил на них строгий взгляд — и всё же уголок рта у него дрогнул.

Дородный, основательный, с ухоженными усами, Попов снял шинель, аккуратно сам повесил её на вешалку. Перчатки и шапку сложил рядом, точно в присутственном месте: привычка одинокого человека. И только потом прошёл в кабинет. Девочкам туда было запрещено.

Из-за двери доносились глухие голоса. Говорил в основном отец.

— Вот, бросили сегодня, — пояснил он. — В окно.

Попов не ответил сразу. Взял записку, развернул, поднёс ближе к свету. Провёл пальцем по краю бумаги, задержался на пятне.

— Бумага простая, — сказал он наконец. — Не с почты. И не из канцелярии.

— Вы кого-нибудь заметили? — продолжил он, не поднимая глаз.

— Никого. Я думаю и думаю — не могу понять. Это угроза? Какие бумаги?

Попов положил записку на стол, сел, сцепив пальцы.

— Если бы хотели напугать — написали бы больше, — констатировал он спокойно. — Стало быть, не пугают.

— Может, связано со службой? — спросил отец.

— Может, — кивнул Прокопий Савельевич. — А может, и нет. Тут важно и что написано, и когда.

Отец прошёлся по кабинету.

— Но требований-то нет.

— Пока нет, — отозвался Попов. — Обычно так и начинают.

Он ещё раз посмотрел на лист — не в текст, а в угол. Пятно там казалось чужим. Попов провёл по нему ногтем. Чуть задержал палец, будто прислушиваясь, потом едва заметно понюхал.

— Смола, — отметил он тихо.

В этот момент хлопнула дверь.

— Что случилось? — резко спросил отец, выходя в коридор.

— Ничего... — испуганно ответила горничная. — Александра вышла.

— Куда?!

Он выскочил в подъезд — пусто.

— Папа, — постарались успокоить его девочки. — Она за нотами, к Соловьёвым. Это рядом.

Попов вышел следом, остановился в дверях, оглядел коридор и тихо произнес:

— Не люблю я такие вечера, Алексей Михайлович.

В теплой шубке, меховой шапочке с лентами, с выбившимся каштановым локоном Александра чувствовала себя взрослой и смелой.

Скоро двадцать — возраст, когда сердце не терпит полуправды и просит ясности любой ценой. Она всё чаще ловила себя на том, что не принимает объяснений сразу: прислушива-

ется, сопоставляет, замечает лишнее и недосказанное. Это было не беспокойство — скорее привычка думать самостоятельно и желание действовать самой.

Вот и «за нотами» оказалось удобным предлогом. На деле Александра шла к Софье Николаевне Соловьёвой — маминой приятельнице, попечительнице гимназии: её там знали, в канцелярию она входила без лишних расспросов.

Александрю не отпускаяло: в записке важно не только написанное, но и бумага — откуда она, у кого ещё могла быть такая же. Расспросить она решила тихо, будто, между прочим.

Под мягким светом фонарей захотелось поговорить откровенно.

— Мама, я часто себя не понимаю...

Она подняла глаза к небу — так было легче продолжать разговор.

— Мне хорошо быть спокойной. Но иногда всё внутри кружится... Как сейчас. И еще хочется уехать. Здесь уютно. А там — ветер, события, стихи...

В памяти всплыла какая-то строка о метели, фонарях и пустынной улице. Александра усмехнулась и отряхнула муфту.

И тут заметила: на афишной тумбе за углом висел новый плакат — плохо приклеенный, почти сорванный.

«Прочитаю — и сразу к Соловьевым», — решила она.

Небо вдруг обрушилось.

Кто-то рванул её назад, накинув ремень на шею. Воздуха не хватало. В ухо прошептали:

— ...материн... документ...

Звуки смешались: лай собаки, ровное скольжение полозьев — всё стало близко, слишком близко. Потом — тьма.

Очнулась она от холода. Кто-то протирал ей лицо снегом.

— Вы меня слышите?

Она попыталась кивнуть.

— Я... шла... — губы едва слушались. — Он сказал... про мать... документ...

— Что? — голос был спокойный, но настороженный. — Кто сказал?

Она попыталась повторить, но слова рассыпались.

— Вы, кажется, поскользнулись, — заговорил он после паузы. — Сильно ударились.

Он помог ей подняться.

— Георгий Громов, — представился молодой человек.

— Александра...

Он чуть отступил, давая ей перевести дух.

— Позвольте, я вас провожу.

Она кивнула.

Они дошли до её дома молча. Она кутала руки в муфту, и только у двери заметила, как трудно разжать пальцы.

В коридоре было людно. Александра пригласила Георгия войти, но, заметив гостя, он смутился, слегка поклонился и отступил.

— Я подожду, Прокопий Савельевич. — проговорил он негромко.

Попов стал одеваться, а горничная суетливо раздевать Александрю.

Няня хлопотала рядом, помогая снять шубку, развязывая ленты на шапке.

Когда сняли муфту, Александра вдруг поморщилась. Пальцы не сразу разжались — словно забыли, что можно иначе.

— Да что ж это... — удивилась Ангелина и наклонилась ближе.

На ладони лежал крошечный лоскуток ткани — тёмное сукно с изнанки, а к нему тянулась короткая, грубая штопка, оборванная наспех.

— Это что? — тихо спросила младшая.

Александра посмотрела и медленно покачала головой. Не ответив, она прошла с отцом в кабинет. Лоскуток осторожно расправили и положили на узкий столик под зеркалом.

О нём тут же забыли — слишком много было другого: вопросов, суеты, тревоги. Надо было согреть воду, приготовить чай для Сашеньки.

Возвращаясь, Александра будто случайно накрыла находку ладонью и сунула в карман. Ей вдруг стало важно, чтобы эту мелочь никто не трогал — пока она сама не поймёт, что это.

Попов первым вышел в подъезд. Остановился, прислушался — наверху хлопнула дверь, где-то звякнули ведра. Дом жил, но неровно, как после испуга.

Он спустился на ступеньку ниже, взглянул на Громова, командированного из Петербурга по сыскным делам, и в двух словах рассказал о записке:

— Что скажете?

— Не похоже на случайность, — сказал он. — И на угрозу вслепую.

Попов нахмурился.

— Почему?

— Слишком аккуратно, — ответил Громов. — Камень — в форточку. Записка — без требований.

— В окно — это по-городски, — заметил Попов. — Любят у нас шум без свидетелей.

— А с барышней — уже лишнее, — возразил Громов. - Перебор.

— Думаете, не наши?

— Думаю, торопились, — ответил Громов. — Или хотели быть услышанными наверняка.

Попов посмотрел на него внимательнее: чисто выбритый, подтянутый, с высоким лбом и волосами, откинутыми назад мягкой волной.

Громов пожал плечами, машинально проверил цепочку часов, на секунду задержал пальцы на крышке

— Пока ничего определённого.

— Значит, дальше будет понятнее.

— Да, — подтвердил Громов. — К сожалению.

Помолчал, затем спросил будто между делом:

— А с матерью... как тогда вышло?

Попов ответил не сразу.

— Падение. Неудачное. Доктор подтвердил.

— Выходит, несчастный случай?

— По документам — да.

Громов медленно выдохнул:

— Понятно.

Они вышли во двор.

Дворник Авдей стоял у сарая и колот лёд у бочки. Увидев Попова, выпрямился, снял рукавицы.

— Здравия желаю, ваше благородие.

— Здрав будь, Авдей, — кивнул Попов. — Скажи-ка, кто сегодня во дворе чужой был?

Дворник ответил не сразу. Посмотрел на снег, потом на калитку.

— Чужой ли — точно не знаю, — произнес он наконец. Авдей махнул рукой в сторону сарая:

— Я недалеко отходил. Вернулся — а он уже прошёл. Наши так не ходят. У нас либо топают, либо скользят.

Громов кивнул.

— Во сколько?

— К сумеркам. Как фонари зажгли.

— Один был? — спросил Попов.

— Один, — подтвердил Авдей. — Только ушел не сразу.

Попов нахмурился.

— Уверен?

Авдей ткнул валенком в снег.

— К окну подошёл, потом к подъезду. Тут — след внутрь.

Он помолчал и добавил:

— Обратно уже позже вернулся. След слегка припорошен.

Громов посмотрел на снег внимательнее.

— Стало быть, не убежал, — отметил он тихо.

— Вот и я так думаю, — кивнул Авдей. — Наши, когда пугаются, бегут. А этот — нет.

И добавил, натягивая рукавицы:

— Городок-то у нас спокойный, не любят тут по ночам шастать.

Утро выдалось ясным и холодным. Снег за ночь подмёрз, и двор скрипел под шагами — ровно и отчётливо, как будто приглашая дом прислушаться к происходящему.

Алексей Михайлович с самого утра сидел в кабинете. На столе были разложены бумаги — аккуратно, как он привык. Папка с пометой «А. М. Белозёров» и отдельно — стопка Анны. Он перебирал их медленно, лист за листом, откладывая в сторону те, что вызывали сомнение.

Что-то не сходилось в бумагах Анны. Не резко, не очевидно — скорее, ускользало. Дата стояла верно, подпись была знакомой, печать — настоящей. И всё же ощущение неправильности не отпускало, будто листы не хотели складываться в привычный порядок.

Он позвал старшую дочь, но за ней подтянулись все.

— Посмотри, — сказал он, не поднимая глаз.

Александра наклонилась к столу, стала перебирать бумаги. Средняя встала рядом, младшая устроилась на краешке стула. Девочки смотрели на бумаги серьёзно, почти по-взрослому.

— Здесь всё как будто на месте, — сказала Александра после паузы. — Мама оставила всё по хронологии, а потом кто-то полез в бумаги. Не разобрался — и всё смешал. Не мамин порядок.

— Вот именно, — отозвался отец.

Он вздохнул и потер переносицу.

— Да, странно. Думаю, всё же это связано с моей службой, — он закрыл папку. — Неприятно, но разберёмся.

Он говорил уверенно, даже немного слишком, словно убеждал прежде всего себя.

В этот момент в передней раздался звонок. Дверь отворилась, и в дом вошла Августина Георгиевна.

Она была в тёмном дорожном платье и шляпке; спина прямая, взгляд цепкий. Сняв перчатки, огляделась, словно проверяя, всё ли на месте.

— Что у вас тут за переполох? — спросила она, входя в кабинет. — В городе только об этом и говорят.

Алексей Михайлович поднялся.

— Мама, Вы.. — сказал он, — мы как раз...

— Записку, — перебила его Августина Георгиевна.

Он на секунду замялся, потом молча протянул скомканный лист. Она развернула его, прочла быстро, без выражения, и так же быстро сложила обратно.

— Это было для меня, — сказала она спокойно. — Не для тебя.

Алексей Михайлович нахмурился, но не успел возразить.

— Вижу, — продолжила она, подходя к столу. — Бумаги.

Не стала садиться. Взяла один лист, другой, быстро, уверенно. Читала не всё — выхватывала отдельные строки, даты, подписи.

— Это не твоё, — сказала она наконец и положила бумаги обратно. — В смысле — не по твоей линии.

Алексей Михайлович нахмурился.

— А по чьей же?

Августина Георгиевна посмотрела на него внимательно, потом перевела взгляд на девочек.

— По нашей, — произнесла она тихо. — И началось это не вчера.

В комнате стало особенно тихо. Даже часы, казалось, пошли медленнее.

— Но Анна... — начал Алексей Михайлович и замолчал.

— Анна знала больше, чем говорила, — продолжила Августина Георгиевна. — И делала больше, чем вы думали. С детства она не была из тех, кто действует напоказ. Умела слушать и запоминать. У неё всё всегда складывалось по порядку: сначала — условие, потом — решение. Это вы знаете. И Анна не любила шума. Если уж бралась за дело, то вела его до конца — до любого, но определённого.

Она сняла очки и аккуратно сложила их. Расспросила, а точнее допросила Алексея Михайловича и Александру.

— Ты вчера ничего странного не заметила? Кроме того, о чём уже сказали?

Александра на мгновение задумалась. Перед глазами на секунду мелькнула сцена в прихожей — муфта, сжатые пальцы, лоскуток на столе. Она покачала головой.

— Нет, — подтвердила она. — Ничего.

Сказала — и тут же решила: сначала она посмотрит, кто в доме начнёт «искать» потерю. А потом уже скажет бабушке — в нужный момент.

Августина Георгиевна кивнула, словно ожидала именно этого ответа.

— Будем смотреть дальше. И очень внимательно. А про остальное... вы бы заехали к концу недели на фабрику. Там и поговорим.

Алексей Михайлович медленно опустился в кресло. До этой минуты ему казалось, что он справится сам.

За окном проехали сани. Где-то во дворе скрипнула калитка. Дом жил своей обычной жизнью, но прежнего спокойствия в нём больше не было.

Августина Георгиевна велела всем собраться в гостиной. Сказала это спокойно, почти буднично.

Горничная пришла первой — остановилась у двери, сцепив руки перед собой. Няня Маня, Марья Трофимовна, появилась следом, вытирая ладони о передник, будто только что отвлеклась от дела.

У порога показалась кухарка Марфа — в дом она приходила с утра, а к вечеру уходила к себе. Платок съехал, но она не поправляла и не решалась войти дальше, только переступала с ноги на ногу у дверей.

— Садитесь, — указала Августина Георгиевна, а сама осталась стоять.

Алексей Михайлович молчал. Девочки притихли и держались вместе — не мешали, но и не уходили.

— Вчера в дом бросили камень с запиской, — сказала Августина Георгиевна ровно. — Сегодня выяснилось, что бумаги трогали. Мне нужно понять, кто и что видел.

Она посмотрела на горничную.

— Ты вчера была на кухне?

— Да, Августина Георгиевна, — поспешно ответила та. — Почти всё время. Только воду носила да за чаем бегала.

— В окно кто-нибудь заглядывал?

— Нет. Я бы заметила.

— Заметила бы? — переспросила Августина Георгиевна.

Горничная кивнула, но взгляд её скользнул в сторону.

— Хорошо, — сказала Августина Георгиевна. — А ты?

Она повернулась к няне.

— Я с детьми была, — ответила та спокойно. — Сначала в коридоре, потом в детской и гостиной. Я и не видела.

— Не видела? — уточнила Августина Георгиевна.

— Да, — кивнула няня. — С прогулки чаевничали.

Августина Георгиевна перевела взгляд на кухарку:

— Ты вчера до которого часа была?

— До фонарей, барыня. Потом домой ушла, — ответила та быстро.

— Кто-нибудь к кухонному окну подходил?

— Нет, барыня. Не видала.

В гостиной повисла пауза.

— А кто из вас выходил во двор? — спросила Августина Георгиевна.

— Никто, — ответили все почти одновременно.

Августина Георгиевна кивнула:

— Хорошо, можете идти.

Горничная облегчённо выдохнула и быстро вышла. Няня задержалась на секунду, посмотрела на девочек, потом тоже направилась к дверям. Кухарка шмыгнула следом — так же тихо, как и появилась.

Когда шаги стихли, Августина Георгиевна повернулась к Алексею Михайловичу.

— Свои, — сказала она негромко. — И это хуже всего.

— Вы думаете... — начал он.

— Я думаю, — перебила она, — что теперь смотреть придётся на всех. И не сразу станет понятно — кто из них свой.

— Но чаепитие никто не отменял, — добавила Августина Георгиевна уже другим тоном. — Посмотрите, барышни, что я для вас привезла.

Девочки переглянулись и побежали на кухню. Там, на столе, стояла коробка — плотная, с перевязанной лентой.

— Осторожно, — предупредила бабушка. — Они нежные.

Лёгкий запах ванили наполнил кухню. На минуту всё стало как прежде.

Утренний мороз был не злой — такой, от которого щиплет щёки и хочется идти быстрее. В городском сквере было почти пусто: редкие прохожие, дорожки, протоптанные ещё вчера. И тишина, в которой слышно, как под ногами потрескивает снег. Где-то со стороны кремля, у Софии, разок глухо ударил колокол — и снова всё стихло.

Дик носился впереди, то исчезая за скамейками, то выскакивая обратно. Он радовался прогулке шумно и беззастенчиво: честно выполнил свой долг. Понюхал записку и привёл туда, где пахло сильнее (вкуснее) всего.

— Бумага, выходит, самая обыкновенная, из бакалейной лавки — произнесла Александра задумчиво. — И всё равно странно.

— И вчера всё было какое-то... не наше, — добавила средняя, поправляя варежку. — И камень, и записка, и ты...

Она посмотрела на Александру.

— Мы теперь тебя одну никуда не отпустим, — сказала она уже твёрже.

— Ни за нотами, ни к Соловьёвым, — добавила младшая. — Будем охранять.

Александра улыбнулась. Ей было тепло от этой заботы — и немного неловко.

— Я и не собиралась далеко идти, — сказала она. — Просто... вчера хотелось афишу прочесть.

Она посмотрела в сторону тумбы у аллеи.

— Там новую наклеил. Интересно, не сорвало ли.

— Давайте посмотрим! — оживилась Агния.

Они свернули с дорожки. Дик рванул первым и радостно залаял, будто знал дорогу лучше всех.

Афиша держалась плохо — край уже отогнулся, бумага вздулась от мороза. Александра наклонилась ближе.

— «Потерянное письмо», — прочитала она вслух.

— А ниже... «Невинное происшествие оборачивается неожиданным открытием».

— Как будто про нас, — сказала средняя. — А помните, как мы нашли потерянную маменькой записку с расчётами? В книге, между страницами.

Младшая вдруг остановилась и хлопнула в ладоши.

— Ой, я знаю! — сказала она. — Нам нужен... как это - комитет.

— Какой ещё комитет, Агня? — засмеялась Александра.

— Тайный, — важно повторила та. — Охрана сестёр и разное.

— Тсс! — средняя оглянулась. — Это же тайна.

В этот момент Дик резко залаял — уже по-другому, настороженно. Девочки обернулись.

По аллее к ним шёл Громов.

— Доброе утро, — поздоровался он, подходя. — Александра, как вы сегодня?

— Лучше, — ответила она. — Спасибо.

Он задержал на ней взгляд чуть дольше, чем требовал вежливый вопрос, потом отвёл глаза — словно спохватившись.

— Рад слышать, — сказал он. — Хороший мороз сегодня. Но после вчерашнего — право, лучше без лишних прогулок.

Александра кивнула.

— Мы просто вышли пройтись.

— Это правильно, — ответил он. — День сегодня такой.

Он сказал это почти рассеянно, будто говорил о погоде или скользких дорожках.

Средняя едва заметно толкнула младшую локтем. Та прикрыла улыбку варежкой.

— Я как раз шёл в вашу сторону, — добавил Громов. — Могу проводить.

— Будем рады, — улыбнулась Александра.

Они повернули обратно. Дик сначала насторожился, потом пошёл рядом с Агнией, прихвываясь к незнакомцу и время от времени фыркая, будто делал собственные выводы.

Ангелина и Агния шли следом, переговаривались шёпотом и украдкой переглядывались — слишком уж довольные, чтобы это осталось незамеченным.

Сквер остался позади — тихий, зимний, почти безмятежный.

Глава 2

За окном выжило. Утро не спешило вступать в свои права, и дом будто позволял себе ещё немного покоя.

Алексей Михайлович встал рано. Не от того, что выспался, — скорее потому, что не мог лежать. Всё было на местах, всё шло по распорядку, а внутри у него оставалось чувство, будто в доме появилась незаметная трещина.

Он прошёл в кабинет. Дверь, как всегда, была заперта. Ключ лежал там, где оставил. Алексей Михайлович машинально взял, повернул его в замке, вошёл — и остановился.

С первого взгляда в кабинете ничего не изменилось. На столе стояла лампа, кресло было отодвинуто ровно на ту же меру, бумаги лежали стопками, как он сам складывал. Даже пыль на подоконнике казалась нетронутой. Не было ни сломанного ящика, ни опрокинутого чернильного прибора, ни следа поспешной руки.

И всё же что-то было не так.

Он подошёл к столу, поднял верхний лист, перелистнул несколько. Потом открыл папку — ту, что вчера положил ближе к краю, чтобы не забыть. Папка была пуста.

Алексей Михайлович медленно перевёл взгляд на соседнюю стопку. Потом на ящик стола. Потом на книжный шкаф. Он сделал несколько шагов, словно надеясь, что документы окажутся там, куда он сам их переложил и тут же забыл.

Не оказались.

Он открыл другой ящик — аккуратно, без суеты. Пусто. Третий — пусто. Он достал из шкафа папку с личными бумагами и быстро перебрал листы. Не было именно тех, что касались фабрики, которые он не успел прочитать. Остальное — на месте. Словно кто-то вошёл, знал, что ищет, и взял только нужное.

Алексей Михайлович сел и вдруг понял, что руки его холодные, хотя в комнате было тепло; что ночью в этом доме был чужой.

Не на улице, не за окнами — здесь, в этих стенах. И пока он спал, пока девочки спали, пока все считали, что двери и замки держат порядок, — кто-то открывал шкафы, перебирал бумаги, решал, что взять.

Он поднялся и прошёлся по комнате, стараясь думать не страхом, а делом. Замок цел. Окно не тронуто. На ковре нет мокрых следов. Всё слишком аккуратно, слишком тихо — как будто и не было никого.

Но бумаги исчезли.

Он вышел в коридор и позвал горничную. Голос прозвучал ровно, но самому ему показалось, что он прокричал.

Пока горничная шла, в коридор высыпали девочки — ещё в домашних платьях, не до конца собранные, но настороженные. Дик, услышав шаги, вылетел следом и тут же уткнулся носом в щель у кабинета.

— Нельзя! — строго сказала няня, но пёс уже протиснулся внутрь и стал носиться по комнате, нюхая ковёр, ножки стола, угол у шкафа.

— Дик, сюда! — позвала младшая, но он не слушал.

Пёс метнулся к двери, выскочил в коридор и тут же залаял — коротко и настойчиво.

— Ну что ты, — няня, попыталась захватить ошейник, нервно улыбаясь. — Никого же нет...

— Он ищет, — прошептала младшая. — Он понимает.

Отец нахмурился.

— Девочки, — сказал он. — Идите в детскую.

— Мы не маленькие, — быстро ответила Ангелина и тут же осеклась под взглядом отца — строгим, усталым.

Александра шагнула вперёд.

— Папа, — спросила она тихо. — Пропало что-то?

Он не хотел говорить. Не хотел произносить это вслух, как будто слова могли сделать случившееся окончательным. Но уже было поздно — по лицам девочек он видел: они поняли.

— Бумаги, — ответил он наконец. — С фабрики.

Младшая округлила глаза.

— Это бабушкины? — прошептала она.

— Это... мамины, — ответил он, и в этом вдруг прозвучало то, чего он раньше не хотел слышать: речь уже не о службе и не о случайном письме.

Девочки переглянулись. И в этом переглядывании было что-то совсем не детское — быстрая, немая договорённость.

Алексей Михайлович хотел сказать, что всё будет хорошо. Но слова не пришли. Потому что сейчас, в этом кабинете, уже было ясно: взрослые не удержали границу, а дети это почувствовали.

В дверь позвонили глухо, будто рука на мгновение задержалась на кнопке.

Алексей Михайлович сам открыл. На пороге стоял дворник — заспанный, в накинутах тулупе, с шапкой в руках. Снег ещё не успел растаять на плечах.

— Вашему Благородию... — начал он и смущённо кашлянул. — Это бы Прокопию Савельичу передать. — Я, может, зря тревожу, да подумал — сказать надо.

— Говорите, — ответил Алексей Михайлович.

— Я поутру рано проснулся, — продолжил дворник. — Не то чтоб рано, а как-то... разбудило. Слышу — голоса. Не громко. Так, будто переговариваются.

Он нахмурился, подыскивая слова.

— Я ж не всё разобрал. Бубнил один. Не наш, не городской, по выговору слышно. Всё бубнил что-то... про спешку.

Мол, «поторопился... с девкой... да уж как вышло».

А потом — будто оправдывался: «зато всё в руках».

Дворник развёл руками.

— А кто ему отвечал — не знаю. Может, и отвечал, а может, так показалось. Вьюга-то с ночи — слова рвёт, не поймёшь.

Он помолчал и добавил:

— Я уж потом вышел. Не сразу. А там — след. Один. Такой же, как вчера. Только я глянул — и всё, замело. Прямо на глазах. Как будто и не было.

Он виновато посмотрел на Алексея Михайловича.

— Может, пустое. А может, и нет. Снег нынче — не шутка. Сколько мне работы... А я подумал: лучше сказать, чем потом жалеть.

Он замолчал, ожидая, не зная, позволено ли ещё что-то добавить. Поклонился неловко и отступил к двери.

Алексей Михайлович поблагодарил его, и дверь тихо закрылась.

В доме снова стало тепло и тихо, и именно это делало происходящее особенно неправильным.

К полудню в доме стало оживлённее. Горничная, проходя с подносом, обронила будто между прочим:

— Слыхали? В гостинице нынче шум с утра.

— В какой? — спросила няня, не поднимая глаз.

— Да в «Якоре» говорят, переполох.

Алексей Михайлович прислушался. Он тоже слышал обрывок разговора прохожих:

— Вечером, вот что странно. Когда людей полно

— Ага. Взяли — да не всё.

И у сквера мальчишка размахивал свежим номером газеты, выкрикивая заголовки. Тогда взгляд зацепился за:

«Кража в гостинице. Пропали ценности».

Он прошёл мимо, не придав этому значения.

Новость разошлась и улеглась, но сестры насторожились.

Они стояли у окна в детской, наблюдая, как улица понемногу оживает после вьюги, когда снизу донёсся разговор. Сначала — неразборчиво, потом яснее.

— Говорят, золото.

— Всё подчистую?

— Да нет... не всё. В том-то и дело.

Ангелина перегнулась через подоконник.

— Слышали? — прошептала она.

— Тише, — откликнулась Александра.

— Взяли немного - то, что легкое, — продолжал голос снизу. — Ни шума, ни беготни.

Утром хватились — а уже пусто.

— Стало быть, свои? — спросил другой.

— Да какие свои... Просто кто-то знал.

Голоса удалились.

Ангелина первой отступила от окна.

— Как у нас, — сказала она неожиданно.

Александра посмотрела на неё.

— Отчего же?

— Ну... — сестра подбирала слова. — Тоже ведь не всё. И тоже тихо.

Александра молчала. Она подошла к столу, где лежал раскрытый альбом с эскизами, но не стала его закрывать.

— Там золото, — наконец сказала она. — А у нас — бумаги.

— Зато одинаково, — упрямо сказала Ангелина. — Не лезли куда попало. Взяли — и ушли.

В комнате стало тихо.

— И никто ничего не слышал, — добавила Агния.

Александра подняла голову и посмотрела на сестёр.

— Может быть, это просто совпадение, — сказала она. — В городе всякое бывает.

Вслух она оставила «совпадение», а про себя уже назначила завтрашнее: «Золотой Якорь», оттуда к Нечаевой (мама покупала там тетради), к маминной подруге Софье Николаевне, и список тех, кто мог знать про бумаги. Если это не случайность — то это уже задача: выяснить, где условие и где вывод.

Ощущение было странное: будто кто-то провёл жирную линию в разных местах, а она только теперь начала её различать.

До фабрики доехали на извозчике. Лошади шли тяжело — дорога после вьюги была рыхлой, колёса вязли в снегу. Девочки жались друг к другу, глядя по сторонам: за городом дома редели, уступая место складам, заборам, тёмным строениям с низкими крышами. Здесь всё выглядело иначе — не по-домашнему, не для прогулок.

У ворот их встретил сторож и сразу повёл дальше, не задавая вопросов. Имя Алексея Михайловича здесь знали. Знали и то, что хозяйка сейчас занята.

— Августина Георгиевна в обходе, — сказал сторож. — Велела сказать: как управится — выйдет.

Это прозвучало не как извинение, а как установленный порядок.

В конторе было прохладно. Пахло бумагой, машинным маслом и сухой пенькой, въевшейся в стены. Никаких цветов, занавесок, лишней мебели. Столы стояли ровно, папки были расставлены по ящикам, часы тикали громко и точно.

— Здесь работала Анна, — сказал Алексей Михайлович, сам не зная, вопрос это или утверждение.

— Да, — подтвердил мужчина, выходя им навстречу. — Здесь.

Это был Трофим Маркович Чернов — помощник Августины Георгиевны по фабрике, человек «с ключами от всего». Невысокий, плотный, собранный, он держался без суеты и говорил коротко, как будто каждая фраза у него уже была записана в книге. На руках — перчатки, даже здесь; к сырю и пыли он не прикасался. Старался держаться ближе к конторе, к бумагам и цифрам. Вежливый, правильный, но от этой правильности становилось неуютно.

— Прошу, — сказал он, указывая на стол у окна. — Это рабочее место Анны Платоновны.

Никаких личных вещей. Ни фотографии, ни шали на спинке стула. Только аккуратные папки, тетради с пометками, линейка, чернильница. Всё — по делу.

— Она всё сверяла, — сказал Чернов без тепла, как факт. — Пока не сойдётся — не отпускала.

Девочки разошлись по комнате.

Александра подошла к столу и, перелистывая бумаги, вдруг задержалась. Один документ лежал не так, как остальные — подшит, но явно открывался недавно. Она не стала брать его в руки, только запомнила заголовок и дату.

Ангелина тем временем устроилась у окна. Хорошо был виден двор, корпуса, движение. Она быстро вынула карандаш и взялась за эскиз в альбоме — люди, здания.

Агния же стояла у двери, выглядывая бабушку. Оттуда доносились голоса — негромкие, рабочие. Она не всё понимала, но уловила слова: «у парадной», «доступ», «не по списку». Потом шаги удалились.

— Папа, — негромко сказала Агния, когда Алексей Михайлович подошёл к ней. — Они говорят как-то... не по-нашему.

Он хотел переспросить, но в это время в контору вошёл Громов.

Поздоровался учтиво, не спеша, словно отдавая дань месту и людям, и только потом взглянул на присутствующих. Его взгляд на мгновение задержался на Александре — с тем вниманием, в котором не было любопытства, но было беспокойство. Она это почувствовала и чуть заметно кивнула, будто подтверждая: всё в порядке.

— Простите, — сказал Громов, обращаясь к Чернову, — мне нужно кое-что уточнить. Не задержу надолго.

— Прошу, — ответил тот. — Я к вашим услугам.

— Эти бумаги... — Громов не стал называть их вслух, — кто обычно имеет к ним доступ?

— По заведённому порядку — только конторские служащие, — ответил Чернов.

— А если дело не совсем обычное?

Чернов позволил себе короткую улыбку — вежливую, служебную.

— У нас на фабрике стараются, чтобы необычного не было.

Громов кивнул, будто принимая ответ.

— Порядок — вещь надёжная, — сказал он. — Особенно там, где многое держится на доверии.

— На том стоим, — согласился Чернов.

— Речь идёт о бумагах, — продолжил Громов после короткой паузы, — которые не предназначены для общего хода.

Он произнёс это спокойно, почти буднично — по старой университетской привычке к формулировкам, будто говорил о порядке сдачи отчётов. — Доступ к ним ограничен? — продолжил он.

— Разумеется, — ответил Чернов. — Всё, что не для общего пользования, хранится отдельно, под замком.

— А ключи у кого именно? — мягко уточнил Громов.

Чернов на мгновение задумался — ровно настолько, чтобы это не выглядело колебанием.

— У меня. И у хозяйки.

— Понимаю, — сказал Громов и слегка кивнул, будто отметил про себя не ответ, а манеру отвечать.

Он больше не задавал вопросов. Прошёлся по комнате, остановился у окна, посмотрел во двор, где рабочие неторопливо расходились по делам, улыбнулся рисунку Ангелины. Потом повернулся.

— Благодарю вас, Трофим Маркович. Пока этого достаточно.

Чернов ответил поклоном — учтивым, без лишнего усердия.

В комнате снова воцарилась деловая тишина.

Ангелина и Александра переглянулись. Каждая из них заметила что-то своё — обрывок фразы, интонацию, паузу — но вместе это не складывалось.

Александра стояла у стола. Она не понимала, что именно ищут взрослые, но чувствовала: речь идёт не о пропаже как таковой. Громов, проходя на выход, на мгновение встретился с ней взглядом — не задержался, не улыбнулся, лишь едва заметно кивнул, как бы говоря: я помню.

Когда они вышли во двор, воздух показался холоднее.

Стало ясно лишь одно: происходящее не ограничивается одним домом и одной потерей. Остальное ещё предстояло понять.

Алексей Михайлович обернулся — к ним уже спешила Августина Георгиевна. Она была в тёмном платье, без украшений, с накинутой на плечи тёплой шалью. Шла уверенно, не торопясь, как человек, привыкший к тому, что его ждут. Увидев девочек, вдруг улыбнулась — по настоящему, тепло.

— Ну, здравствуйте, барышни, — сказала она и обняла внучек по очереди, прижимая к себе крепко, как умеют только те, кто не боится показать силу. — Замёрзли?

Девочки заговорили разом, но она подняла руку — не строго, но так, что все сразу притихли.

Только после этого Августина Георгиевна посмотрела на Громова. Оценивающе. Внимательно. Не скрывая интереса.

— Вы, должно быть, тот самый господин, что нынче наводит у нас порядок? — сказала она ровно. — Говорят, из столицы.

— По службе, — ответил Громов и слегка поклонился. — Георгий Николаевич.

— Порядок — дело хорошее, — заметила она. — Только он либо держится на людях, либо рассыпается от одного неосторожного шага.

Она сказала это как будто между прочим, но взгляд не отвела.

— Посмотрим, — добавила и кивнула, словно поставив мысленную отметку.

Потом повернулась к Алексею Михайловичу.

— Пойдём, — сказала негромко. — Надо поговорить.

Отвела его в сторону, подальше от чужих ушей. Говорила тихо, почти не шевеля губами.

Алексей Михайлович слушал, не перебивая. Один раз кивнул.

Когда она отпустила его руку, лицо его изменилось — не резко, а будто стало строже.

— Остальное — потом, — сказала она уже громче, так, чтобы услышали все. — Не здесь.

Она повернулась к внукам и тут же улыбнулась, словно ничего особенного не произошло.

— Ну что ж, — сказала она, — поедem в «Якорь». Там и согреемся, и порядок в мыслях наведём.

Младшие радостно переглянулись и придвинулись ближе к бабушке.

Из «Золотого Якоря» вернулись в хорошем настроении. Не притихшие — просто легче на душе. После фабричного холода ресторан показался почти праздничным: тепло, светло, пахло бульоном, кофе и чистыми скатертями — тем спокойным уютом, который бывал только в «Якоре». И даже Алексей Михайлович заметно оттаял.

Едва успели раздеться, как в передней раздался звонок.

Горничная поспешила открыть. В проёме показался Прокопий Савельевич — в шинели, с усталым, но собранным лицом. Он снял перчатки, потёр руки, будто сгоняя холод, и сразу оглядел дом — не любопытством, а привычкой отвечать за порядок.

— Здравствуй, Алексей Михайлович, — сказал он громче, чем требовалось в тёплой передней, будто нарочно, чтобы дом услышал уверенность. — Ну, как вы тут?

Алексей Михайлович протянул руку.

— Здравствуйте, Прокопий Савельевич.

Следом пришёл Громов. Он поздоровался тише, почти без жеста, только лёгким поклоном.

— Мы ненадолго, — бросил Попов через плечо горничной и сам, без суеты, повесил шинель. — Дело есть.

Он не спросил «можно ли» — в таких случаях не спрашивали. Но сказал это без нажима, по-дружески, как человек, который пришёл помогать, а не распоряжаться.

Девочки стояли у дверей гостиной. Попов их увидел и на секунду смягчился.

— А вы не пугайтесь, барышни, — сказал он, понизив голос. — Взрослые поговорят — и всё будет как следует.

Сказал — и сам будто на мгновение поверил своим словам.

Громов взглянул на Александру. Не прямо — как бы мимо, но она почувствовала: он проверяет, как она держится. Александра выпрямилась, ответила ему коротким кивком и тут же отвела глаза, чтобы не выдать лишнего.

— В кабинет, — указал Попов, снова деловым тоном.

Алексей Михайлович пропустил вперёд Попова, потом Громова. Дверь закрылась — не хлопком, а плотно, как закрывают комнату, где будут говорить о важном.

Сначала за ней говорили ровно, почти буднично — так говорят люди, привыкшие к делам.

— Осмотрим комнату, — сказал Попов. — Где лежала папка?

Алексей Михайлович прошёл к письменному столу.

— Здесь. В нижнем ящике. Я убрал её сам, накануне.

Попов наклонился к ящику, проверил темное пятно на боковине.

— Опять смолой тянет.

Громов не стал подходить сразу. Остановился у двери, оглядел комнату целиком — не вещи по отдельности, а их расположение. Потом медленно прошёлся вдоль стены, не касаясь мебели.

— Замок? — спросил он.

— Цел. Я проверял.

Громов кивнул. Наклонился к окну, посмотрел на раму, на подоконник. Провёл пальцем по щели между створками — машинально, без комментариев.

— Не через окно, — сказал он скорее себе, чем другим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.